

ДѢДУШКА ГОСТОМЫСЛЬ.

ПОВѢСТИ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ, А. РАЗИНА.

124

ДѢДУШКА ГОСТОМЫСЛЬ

862 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. БЕЗОВАРОВА И КОМП.

Вас. Остр., 8 ливія, №. 45.

1868.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 октября 1868 года.

2004127161

ДѢДУШКА ГОСТОМЫСЛЪ.

Первоначальныя судьбы славянскихъ народовъ теряются во мракѣ вѣковъ. Знаемъ только, что въ глубокой древности славяне жили на рѣкѣ Дунаѣ, гдѣ нынче Венгрія и Турецкія владѣнія; оттуда какіе-то неизвѣстныя намъ враги вытѣснили ихъ на сѣверъ, и расселились они въ лѣсистыхъ горбатыхъ (Карпатскихъ) пустыняхъ, по рѣкамъ, озерамъ и по морю варяжскому (Балтійскому), пробрались также къ востоку, расселились по Днѣпру, по Двинѣ, по Волхову. Тамъ, на Волховѣ и Днѣпрѣ, немного болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ, полудикіе славяне, жившіе во тьмѣ язычества и въ непрерывной враждѣ между собою и съ сосѣдами, соединились, потомъ присоединили къ себѣ другія славянскія племена и, мало по малу, просвѣтившись свѣтомъ евангельскимъ, составили начало государства, которое, укрѣпляясь, расширяясь и одолевая множество различныхъ враговъ, печенѣговъ, татаръ, нѣмцевъ, турокъ, поляковъ, французовъ и другихъ, является нынѣшнею Россійскою Имперіею.

Въ лѣтописяхъ нашихъ и иноземныхъ сохранилось нѣсколько драгоцѣнныхъ указаній на обычаи, нравы, образъ жизни, религію и повѣрья первобытныхъ славянъ и на начало нашей исторіи. Составленный на основаніи этихъ указаній, рассказъ нашъ о Дѣдушкѣ Гостомыслѣ переноситъ читателей болѣе нежели за тысячу лѣтъ назадъ.

I.

Какъ орлица надъ своимъ орленкомъ, сидитъ молодая Любуша надъ спящимъ своимъ сыномъ, и не налюбуется на него, и порою будто молнія сверкнетъ изъ ея глазъ, когда она окинетъ кругомъ лѣсъ и чутко прислушивается, и при малѣйшемъ шорохѣ хватается за небольшой топоръ, насаженный на длинномъ топорницѣ. Возлѣ нея спокойно сидитъ другая женщина, старая, сухая и сѣдая Предслава, и разбираетъ и вяжетъ въ небольшіе пучки разныя травы и цвѣты, лежащіе передъ нею кучей. Густой многовѣковой лѣсъ закрываетъ ихъ отъ жгучихъ лучей весенняго солнца, которое давно уже согнало туманъ и добиралось до своей полуденной высоты. Старыя мохнатыя ели почти до земли свѣсили свои вѣтви, поросшія длиннымъ бѣловатымъ мохомъ; крѣпкія сосны, точно красныя колонны, поднимаютъ свои голые стволы и упираются въ густую игольную чащу, раскинутую громаднымъ шатромъ. Синицы, чижи, дрозды посвистываютъ въ древесной чащѣ; тетерька глухо и ласково квокчетъ, выводя своихъ едва оперенныхъ птенцовъ изъ подъ густаго ольховаго куста; векши не торопясь перепрыгиваютъ съ вѣтки на вѣтку; комары, любители сырыхъ трущобъ, толкуются густыми тучами и жалятъ

обѣихъ женщинъ, которыя однакоже мало обращаютъ на нихъ вниманія; только съ спящаго сына Любуша внимательно смахиваетъ всякую мошку, и мальчикъ спитъ спокойно, завернутый, не смотря на тепло, въ овчинное одѣяло.

По мѣрѣ приближенія полудня, птичьи голоса замолкали и лѣсъ какъ будто засыпалъ; векши по-прятались въ гнѣзда, и только неугомонные комары и слѣпни не давали покою Любушѣ, и рука ея безпрестанно поднималась, чтобы стогнать докучныхъ насѣкомыхъ съ прекраснаго, пышащаго жаромъ личика ребенка. Онъ все раскидывался отъ жару; но мать всякій разъ прятала его голенькія ручки подъ мѣховое одѣяло, и по временамъ ладонью отирала потъ съ его высокаго лба и курчавой бѣлокурой головки.

Привыкнувъ жить въ полномъ согласіи съ окружающей ихъ природой, обѣ женщины чувствовали необходимость перекусить и заснуть. Предслава достала изъ своей котомки ржаную лепешку и вяленаго судака, разломила и то и другое пополамъ, и обѣ принялись усердно ѣсть, бросивъ за себя, въ жертву лѣсному духу, по маленькому кусочку своей пищи. Когда полдникъ былъ конченъ и запить водою изъ большаго берестянаго бурака, старая Предслава собралась спать, босыя ноги спрятала подъ кучу нарванныхъ травъ, на голову накинула большой бѣлый платъ и сказала молодухѣ:

— Ложись, не бойся, Любушенька, ложись, моя болѣзная; никто здѣсь насъ не найдетъ, да и здѣшній лѣшій, мой старый Чуръ, не допустить такого нечестія.

— До сна-ли мнѣ теперь, моя рѣдная? — отвѣчала тоскливо мать. — Сердце такъ и ноетъ, морозъ такъ и ходить по спинѣ, какъ подумаю объ этомъ Богомилѣ. Мѣшаетъ, видишь, ему Хоринька мой, человѣчекъ мой, ненаглядный мой Сварожичъ, сынокъ мой сердечный...

— Эхъ, молодость, молодость! — сказала, покачивая головою, старуха. — Больно ужъ вы жалостливы стали, будто раскисли какъ-то и бога-Сварога-Перуна не боитесь; да и мы то старики съ вами грѣшимъ только. Тебя то очень люблю-жалѣю, а то бы Хорькѣ твоему быть сегодня на ножѣ, и русалочкой качался бы тутъ, сидя на березовой вѣтви, тебя бы оберегалъ отъ всякаго худа...

Любуша припала къ своему Хорю, поцѣловала его раскраснѣвшуюся щечку и шептала про себя, что ужъ лучше она станетъ его оберегать, и хоть пришлось-бы ей самой быть разорванной міромъ на части, а мальчика своего она не дастъ злomu Богомилу.

Старуха прилегла, свернулась и скоро заснула, а Любуша придвинула къ себѣ по ближе рукоять топора, оперлась на локоть и продолжая любоваться на соннаго своего Хоря, невольно, съ трепетомъ

припоминала страшное утро того дня, какъ она узнала, что ея сыночекъ долженъ быть принесенъ въ жертву Перуну. И въ полусонномъ видѣніи представляется ей, какъ въ убогой лачугѣ ея, съ восхожденіемъ солнца Дажбога, маленькій четырехъ-лѣтній Хорь протягивалъ свои рученки и гладилъ ей щеку. Дѣтски-ласковая улыбка свѣженькаго здороваго ребенка разливала въ ней невыразимое наслажденіе, а ясное утро и ясный праздникъ весны, когда народъ собирается водить хороводы, провожать зиму Мару и встрѣчать весну, прибавляли еще душевной ясности къ ея полному счастью. Но какъ всегда водится, что сильный приливъ счастья обыкновенно производитъ утомленіе въ душѣ человѣка и уступаетъ мѣсто задумчивости, такъ и Любуша призадумалась, и что-то стало больно щемить ея сердце. Обычный въ то время предразсудокъ состоялъ въ томъ, что слишкомъ сильная радость, это передъ горемъ, а слишкомъ беззаботный смѣхъ—передъ слезами. И въ этомъ есть своя доля правды, потому что во всѣ времена счастье людей было мимолетнымъ гостемъ. Едва только Любуша подумала: не было-бы какого-нибудь горя,—какъ вошла къ ней въ лачугу старуха Предслава, извѣстная не только на рѣкѣ Назѣ, но и по всей Ловати, и въ самомъ Новомъ городѣ, и по Волхову вѣщуныя, отлично знавшая всѣ возможные преданія, обычаи, сказанія, умѣвшая лечить разными травами

отъ всевозможныхъ болѣзней и даже отъ сглазу. И вотъ передъ Любушей словно опять стоитъ страшная Предслава съ ласковыми словами, въ которыхъ заключена ужасная вѣсть. Дружески привѣтствуетъ ее старая вѣщунья или, какъ тогда говорили, вѣдьма, и желаетъ, чтобы богъ Перунъ милостиво принять приготовленную ему жертву въ великій день своего сына Дажбога. Не ясно понимаетъ бѣдная мать въ чемъ дѣло, но сердце ея сжимается и съ недоумѣніемъ смотритъ она въ глаза вѣщуньи. «Русалочкой блаженной будетъ Хоринька твой, — продолжаетъ и ласково, и радостно старуха, — беречь будетъ всѣхъ своихъ, и меня, старую, не забудетъ.» — Тутъ она обращается къ мальчику, гладитъ его по головкѣ и по лицу костлявою рукою, радостно прощается съ нимъ, проситъ, чтобы онъ и корову ея, и овечекъ поберегъ отъ дикаго звѣря, помогаль-бы ей собирать цѣлебныя травы и силой всемогущаго Дажбога могучіе корни... Мать слушаетъ, слушаетъ, понимаетъ, что ея сына, перваго во всемъ округѣ красавчика, выбрали на сегодняшній праздникъ, что за ея сыномъ сейчасъ придутъ и понесутъ его съ торжествомъ на берегъ Ловати, гдѣ собираются хороводы, будутъ плясать вокругъ него, уберутъ его желтыми цвѣтами, что показались уже у воды, и свѣжею зеленью, а тутъ готовъ костеръ, а среди костра столбъ, а на томъ столбѣ колесо. Полоснуть Хориньку кривымъ

ножомъ по шеѣ и поднимуть на это колесо и зажгутъ костеръ, и повалить дымъ, затрещить костеръ. запылаетъ, а народъ мѣрно, въ тактъ пѣсни, забьетъ въ ладоши.... Какъ взвизгнетъ бѣдная мать! Какъ бросится къ своему Хоринькѣ! Какъ схватить его на руки.... — «Ну, вотъ, такъ я и знала — говорить съ упрекомъ старуха, — такъ и знала. Чего убиваться-то? Если ужъ Хоря твоего выбрали, значитъ такъ угодно Перуну-Сварогу; мѣръ безъ его воли не выберетъ, да и гдѣ же намъ взять для бога лучше твоего мальчишки?.. Видишь, какой человѣчекъ *кунавый!* (бѣлый, красивый). Хочешь ты, малецъ, русалочкой-блаженной быть, чуромъ праведнымъ?... А мать судорожно прячетъ у себя на груди личико испуганнаго ребенка, и мутится у ней въ головѣ, и хочется ей изцарапать, изуродовать прекрасное личико своего человѣчка, только-бы никто не отнималъ его отъ груди, которая для него одного и дышетъ. для него бьется; и съ ужасомъ помышляетъ она о гнѣвѣ божьемъ, если она отниметъ у него лучшую. самую угодную ему жертву, и хватается за топоръ, чтобы защитить свое дѣтище; и вспоминается ей добрый и ласковой мужъ, котораго года за три до того увели съ собою проѣзжіе Варяги... И вдругъ хватается она топоръ и съ своимъ Хоремъ на рукахъ выбѣгаетъ изъ лачуги и бѣжитъ прямо къ лѣсу. На опушкѣ, въ кустахъ, догоняетъ ее старуха и начинаетъ уго-

варивать, чтобъ она покорилась волѣ Иеруна, и что лѣсной духъ, лѣшій, все равно выдастъ ее, когда люди пойдутъ искать ее, не найдя въ избѣ. И невольно повторяетъ она мысленно тѣ жаркія, красно-рѣчивыя мольбы, какими она молила добрую старуху пособить ей въ этой ужасной бѣдѣ. Она валялась у вѣдьмы въ ногахъ, цѣловала ея сухія колѣна, упрашивала взять Хорька себѣ, а ее самое взять въ вѣчную кабалу, только-бы жилъ ея милый Хорь, только бы злые боги не отнимали у него сладкаго дыханія. Она то просила заступничества вѣщуньи передъ лѣсными духами, то хотѣла уйти съ своимъ сыномъ на край свѣта, къ Хозарамъ, въ самый Царь-городъ, только бы спасти, спасти Хорька во чтобы то ни стало. Наконецъ суровая, но добрая старуха улыбнулась и рѣшилась ей помочь, обѣщала свести ее въ такую лѣсную трущобу, гдѣ лѣсной духъ давно и видимо ей покровительствовалъ. На нѣсколько минутъ старуха оставила ее на опушкѣ, сходила домой, наказала что-то двумъ своимъ внучкамъ, захватила свою котомку и возвратясь на опушку, застала трепещущую Любушу съ сыномъ на одной рукѣ и съ топоромъ въ другой, готовую на отчаянную защиту. Оттуда онѣ пошли дальше въ глубину лѣса и постѣ продолжительнаго перехода добрались до завѣтнаго мѣста. Но дордогой старуха все что-то шептала и все собирала разныя травы,

такъ что на мѣсто отдыха она принесла ихъ цѣлую охапку.

Когда маленькій Хорь проснулся, у матери его оказался въ запасѣ порядочный остатокъ лепешки и рыбы, и напуганная мать любовалась, съ какимъ удовольствіемъ онъ ѣстъ, откусывая острыми зубками своими то изъ одной руки, то изъ другой.

Къ вечеру былъ уже состроенъ небольшой шалашъ, не многимъ уступавшій по удобству оставленной на берегу рѣки лачугѣ. Нарублены были жерди изъ молодыхъ деревьевъ; нашолся большой камень, который составилъ цѣлую стѣну новаго жилища; къ нему приставлены были въ наклонномъ положеніи жерди, тщательно потомъ обложенныя густымъ слоемъ еловыхъ вѣтвей. И въ этомъ жильѣ, какъ въ покинутомъ, не было стеколъ, и отверстія, оставленныя вмѣсто оконъ, должны были затыкаться на ночь вѣниками; а если не было удобно затворяющейся двери, за то приготовленъ былъ большой запасъ вѣтвей для закрытія входа.

Ночныя тѣни опускались уже на лѣсъ, и небо начинало принимать багровые цвѣта солнечнаго заката, когда въ темной дали слышались дѣтскіе голоса, которые не то пѣли какую-то коротенькую пѣсню, не то обращались съ обычною мольбою къ лѣсному духу, лѣшему, и къ своему родоначальнику, пращуру или Чуру, считавшемуся невидимымъ покровителемъ

всего своего рода. Голоса понемногу приближались, и уже легко было различить, что ихъ два: то одна дѣвочка, то другая, съ небольшими промежутками, повторяли нараспѣвъ: «Дѣдушка Чуръ, выведи внучекъ, малыхъ дѣвчатокъ, на прямой путь, на ровную дорогу, не давай проплутать! Аау!»

— Сюда, сюда, дѣвчатки!—закричала имъ старуха, и черезъ нѣсколько минутъ двѣ дѣвочки въ бѣлыхъ рубашкахъ, подпоясанныя красными кушачками, проворно замелькали между старыми деревьями. Завидѣвъ бѣлый платъ старой вѣщуны, онѣ добѣжали до нея, разцѣтовали свою бабушку и маленькаго Хори и принялись рассказывать все, что видѣли и слышали.

— Сѣли мы въ челнокъ,—говорила старшая,—и поплыли внизъ по Назѣ до Ловати, и съ нами вперегонку много плыло сосѣдей.

— Богомиловы внуки не сами гребли,—подхватила младшая,—а въ весла полонянника посадили.

— Постоить ты, стрекоза!... Не успѣли мы къ берегу приткнуться, тамъ гдѣ наша рѣка съ Ловатью сошлась, а старшины-князья въ лодки садятся, да въ Назью поворачиваютъ, къ намъ. Я и говорю: ну, Тана. побѣжимъ! противъ теченья намъ не выгрести! И побѣжали. Еслибы не болото наше, мы раньше ихъ поспѣли-бы домой. Прибѣгаемъ, а народъ уже тамъ, вокругъ избы тетушки Любуши толчется, кричить, а Богомилъ громче всѣхъ. Добыли огня,

притащили хворосту, обложили, и все что-то тебя, бабушка, вспоминали. Потомъ запѣлъ нашъ князь то, что на похороны всегда поется.

— Онъ запѣлъ: «Перуне-Свароже! пріими своего избранника», — подхватила опять Тана.

— Ну, да, — подтвердила старшая, — и всѣ за нимъ затаили. Взмахнулъ онъ смоляною горящею вѣтвью и бросилъ, на самую кровлю попалъ, и за-тлѣла солома, и скоро вспыхнула. А народъ все хворостъ таскаетъ, да подекидываетъ сосновыхъ вѣтвей. Не успѣлъ костеръ догорѣть, а старшины-князья опять въ лодки усѣлись и поплыли внизъ, на стрѣлку. Тутъ мы съ Таной въ чью то лодку забрались, доѣхали хорошо, только опять чуть не опоздали. Хороводы почти что начались, и среди народу на холмѣ, что зовется красной горкой, у костра, Богомилъ козленка зарѣзалъ.

— Бѣленькій такой, хорошенькій козленочекъ, — вставила свое замѣчаніе кудрявая Тана, — не знаю чей, только не съ Назыи.

— Подняли этого козленка на колесо, что посреди костра на столбѣ стояло, и Богомилъ опять замахалъ огненной вѣткой и зажегъ, точно такъ, какъ въ прошедшемъ году: я вѣдь все помню. И пошло тутъ веселье, и теперь тамъ, вѣрно, пѣсни еще не унялись, да мы къ тебѣ поспѣшили, и то вотъ едва поспѣли, видишь: вовсе ночь становится.